

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ УЧАСТИИ ВСЕМИРНОГО БАНКА
И МЕЖДУНАРОДНОГО ВАЛЮТНОГО ФОНДА

XIV АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

В четырех книгах

*Ответственный редактор
Е.Г. Ясин*

4

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2014

УДК 330.101.5(063)
ББК 65.012
Ч-54

*Идеи и выводы авторов не обязательно отражают
позиции представляемых ими организаций*

ISBN 978-5-7598-1122-0 (кн. 4)
ISBN 978-5-7598-1118-3

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

Г.В. Лукьянов	
Права человека в «развивающемся» обществе в условиях транзита власти: концепт нормативного дискурса и элемент политической реальности (на примере Ливии).....	458
С.А. Рагозина, А.Л. Рябинин	
Политическая власть, религия и права женщин в Египте и Тунисе до и после «арабской весны»	467
И.В. Соболева	
Карл Шмитт и Мишель Фуко: пределы совместимости концепций суверенитета и легитимности власти	477
А.Ю. Сунгуров, Е.А. Глухова	
Институт Уполномоченного по правам человека в период подъема общественно-политической активности: свой среди чужих, чужой среди своих	485
И.А. Томашов	
Конструирование исторической памяти как фактор внутренней политики в современной России.....	494
 АУДИОВИЗУАЛЬНАЯ ИНДУСТРИЯ: МЕДИАПЛАТФОРМЫ И ЖАНРЫ	
О.В. Веселова	
Новые жанры российского телевидения — ситкомы: адаптированные и оригинальные	505
С.А. Медведев	
Музыкальный видеоклип в эпоху YouTube	512
А.В. Прохоров	
Нишевизация российского телепроизводства: мистические сериалы как направление	519
 СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В ВШЭ	
О.С. Грязнова	
Запрос населения на государственную социальную поддержку и оценка ее косвенных последствий.....	529
Е.А. Орел, Т.Е. Хавенсон	
Субъективное благополучие и удовлетворенность институтами: структура и оценка степени гетерогенности ответов в европейских странах.....	540

И.А. Томашов

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК ФАКТОР ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Начало 2013 г. отмечено оживлением дискуссий об исторической политике и исторической памяти в России. Большой резонанс получило решение депутатов Волгоградской городской думы об использовании в ходе проведения мероприятий, связанных с Великой Отечественной войной, наименования «город-герой Сталинград». Волну обсуждений вызвало и высказывание Президента России Владимира Путина о возможности подготовки единых учебников по истории России для средней школы, не имеющих «внутренних противоречий и двойных толкований».

Историческая проблематика занимает важное место в российском общественно-политическом дискурсе. В современной России не сложилось национального консенсуса относительно отношения к прошлому и не существует последовательной политики по его достижению. Таким образом, историческая политика и историческая память, безусловно, являются факторами российской внутренней политики, значение которых многомерно и противоречиво, что требует более подробного изучения этой темы.

В данной работе будут рассмотрены особенности исторической политики в России в течение последнего десятилетия, а также прослежены предпосылки ее выработки и направления возможных корректировок в будущем. Особое внимание будет уделено сравнению исторической политики в периоды первого и второго президентского сроков Владимира Путина, в годы пребывания у власти Дмитрия Медведева и третьего президентства Путина, а также анализу реакции общества на предпринимавшиеся в рамках исторической политики меры.

Историческая политика и историческая память

Начало использования понятия «историческая политика» связано с приходом к власти в Германии Гельмута Коля и его попытками пересмотреть

некоторые трактовки истории страны с целью «воспитания чувства немецкого патриотизма» [Бондаренко, 2012]. Историческую политику можно определить как «формирование общественно значимых исторических образов и образов идентичности, которые реализуются в ритуалах и дискурсе, претерпевающая изменения со сменой поколений или по мере эволюции социальной среды» [Шеррер, 2012, с. 475]. Основным субъектом исторической политики выступает государство, однако деятельность других акторов — научного сообщества, представителей гражданского общества — также является существенной.

Феномен исторической политики неотъемлемо связан с формированием национальных государств и необходимостью объединения обществ вокруг носителей политической власти, создания коллективной идентичности и выделения истории, а также особенностей того или иного сообщества среди других. Система школьного образования, массовая литература и кино, государственные праздники, музеи и памятники — все это механизмы, с помощью которых осуществляется историческая политика и конструируется социальная и историческая память.

«Историческая память — это ретроспективная форма коллективного сознания, формирующая коллективную идентичность в ее отношении к значимому для этой идентичности прошлому» [Рогинский, 2008]. Если понятие «историческая политика» обращает внимание на деятельность различных акторов в отношении исторической науки и распространенных в обществе представлений об истории, то «историческая память», наоборот, подчеркивает сложность социального бытования истории и невозможность односторонней манипуляции историческим сознанием.

По словам французского историка Пьера Нора, конец XX и начало XXI в. можно охарактеризовать как «эпоху всемирного торжества памяти», когда вопросы исторического наследия и восприятия прошлого стали актуальными для различных государств, обществ и коллективов [Нора, 2005]. Особое внимание уделяется торжественному празднованию годовщин исторических событий, открываются новые музеи и активно публикуется историческая литература, споры вокруг истории провоцируют политические конфликты. В странах Восточной Европы «политика памяти» становится важным элементом борьбы с коммунизмом и обновления национальной идентичности.

Рост общественно-политической значимости исторических вопросов — процесс, развивающийся под влиянием совокупности различных факторов. Он может рассматриваться как реакция на «ускорение истории», размывание прежних классовых и идеологических делений общества, переосмысление травматического опыта XX в., крах коммунистических систем и движение к глобализации. В условиях социальных трансформаций обращение к исто-

рической памяти смягчает последствия кризиса идентичности, способствует восстановлению ценностных и идеологических ориентиров, легитимирует определенные политические практики.

Россия, пережившая в конце XX в. масштабное изменение всей совокупности общественных отношений, не могла остаться в стороне от тенденций актуализации исторической политики и подъема интереса к проблемам коллективной памяти. С одной стороны, постсоветское российское общество столкнулось с необходимостью самоопределения в исторической системе координат и преодоления исторических травм, среди которых особенно выделяется период сталинских репрессий. С другой стороны, в качестве негативного «другого» Россия оказалась объектом исторической политики государств Восточной Европы, болезненно реагируя на исторические претензии и критику с их стороны. Все это способствовало значительному усложнению отношений между политикой и историей в современной России.

Историческая политика в СССР и постсоветской России

В истории России есть немало примеров пересмотра отношения к прошлому на государственном уровне. Смена политических режимов и курсов, как правило, сопровождалась изменением трактовок истории в соответствии со спецификой политической ситуации и задачами легитимации и оправдания действий власти. Доминирование государства в жизни общества вело к тому, что коллективная память складывалась под большим влиянием государственной исторической политики.

Революционные события 1917 г. и утверждение у власти в России партии большевиков означали коренные перемены социального строя. Укрепление позиций нового политического режима и распространение коммунистической идеологии требовали осуществления активной исторической политики и признания марксистской концепции истории в качестве безальтернативной, в том числе и посредством террора. По мере эволюции политической системы в сторону тоталитаризма манипуляция историей становилась более масштабной.

Целью сталинской исторической политики было «патриотическое воспитание и национальное сплочение перед лицом “внешнего врага”», а основной задачей — «распространение представлений о благотворной роли государства в российской истории» [Копосов, 2011, с. 82–83]. В истории страны выделялись фигуры властных государственных деятелей, что позволяло обосновать преемственность советского режима «как по отношению к мировой

и российской революционной традиции, так и по отношению к российскому государству» [Там же, с. 83].

Великая Отечественная война являлась колоссальной трагедией и испытанием для советского общества, ее события немедленно становились частью коллективной памяти и объектом исторической политики. Сталинский режим не мог допустить распространения представлений о своих ошибках в ходе войны, как и возникновения противоречивших официальной идеологии восприятий произошедшего. Кроме того, общественный подъем после окончания войны мог таить опасность для тоталитарного политического режима, и руководство страны обращалось с темой войны крайне осторожно. В период с 1948 по 1965 г. в СССР 9 мая даже не было официальным выходным днем [Дымарский, 2006].

Обновление руководства КПСС после смерти Иосифа Сталина привело к изменениям в политической жизни страны. Никита Хрущев выступил инициатором осуждения «культы личности» предыдущего вождя и реабилитации значительного числа репрессированных. Историческая политика подверглась корректировке: фокус пропаганды был смещен на повышение интереса к фигуре Владимира Ленина и истории Октябрьской революции и Гражданской войны, большее внимание стало уделяться обсуждению начального этапа Великой Отечественной войны.

Период «застоя» характеризовался консервацией общественно-политического строя и постепенным ослаблением мобилизующей роли коммунистической идеологии. В этих условиях политическая элита обратилась к памяти о войне как способу сплочения общества. Масштабное празднование 20-летия победы над Германией в 1965 г. обозначило поворот в исторической политике: деятельность Сталина в годы войны перестала подлежать критике, начали сооружаться памятники и мемориальные комплексы.

Однако если в 1960–1970-е годы историческая память являлась одной из опор коммунистического режима, то во второй половине 1980-х она стала способствовать его делегитимации и крушению. Обнаружившаяся слабость государственных институтов подорвала доверие к официальной идеологии и исторической политике. «Перестройка стала восстанием подавленных, но не исчезнувших контрпамятей отдельных социальных, этнических и религиозных групп против советской концепции истории» [Копосов, 2011, с. 111]. Особенно важную роль сыграла огласка фактов о репрессиях, предоставившая доказательства для однозначного осуждения коммунизма. Коллективная память стала козырем в руках демократической оппозиции и обосновывала претензии ряда союзных республик и народов на выход из состава СССР или получение более широкой автономии.

Подъем интереса к исторической проблематике в 1980-х годах был стремительным, но настолько же быстро он угас после распада СССР. Необходимость решения насущных социально-экономических проблем вытеснила исторические вопросы на периферию общественного сознания. Более того, картина истории распалась и не могла служить источником укрепления национальной идентичности. Политическое использование событий и трактовок истории стало уделом отдельных групп: как сторонников демократических преобразований, так и националистической и коммунистической оппозиции.

Существенным фактором, определившим специфику исторической политики в посткоммунистической России, оказалась незавершенность политических перемен. Несмотря на то что политическая система была реформирована, значительного обновления политической элиты не произошло. Критика прошлого противоречила ее интересам, поскольку могла нарушить сложившиеся политическое статус-кво. В результате действия нового правительства в сфере исторической политики носили двойственный характер: была принята новая государственная символика, но Россия была объявлена «государством-продолжателем» СССР; ограничения на распространение информации о сталинизме были сняты, однако осуждения преступлений коммунистического режима не последовало, а решение Конституционного суда по «делу КПСС» в 1992 г. было, скорее, компромиссным.

Таким образом, распад СССР стал вехой в истории России, но не «точкой отсчета» для формирования новой национальной идентичности. Советское прошлое не было «очуждено», а расследование его темных страниц — последовательно доведено до конца. Более того, трудности реформ вызвали в обществе ностальгию по коммунизму, ассоциировавшемуся с социальной стабильностью и политической мощью государства. В этих условиях российское политическое руководство обратилось к истории как источнику легитимации государственной власти, используя для этого подходящие эпизоды из всех периодов истории страны.

Конструирование исторической памяти при Владимире Путине и Дмитрии Медведеве

Вторжение политики в историю в 2000-е годы происходило сугубо в интересах политического режима. Прошлое использовалось как источник «традиционной» легитимности в ситуации отсутствия у политического класса четкой идеологии и видения будущего. При этом вместо рефлексии относи-

тельно противоречивых периодов истории распространялось ее упрощенное восприятие, фокусирувавшееся на победах прошлого и роли в них государства. Власть стремилась к созданию непроблематичного исторического нарратива, в котором в соответствии со спецификой политического момента выделялись отдельные события и деятели, а категоричные суждения о прошлом не артикулировались.

Одним из первых действий Владимира Путина в области символической политики было утверждение в качестве гимна России бывшего гимна СССР на музыку Александра Александрова с одновременным подтверждением в качестве флага и герба символов, принятых в 1993 г. и восходящих к царскому периоду российской истории. Такое сочетание было призвано показать связь между различными историческими эпохами, однако также хорошо характеризовало новые ориентиры исторической политики. Столь же знаковым шагом стала отмена празднования Дня примирения и согласия 7 ноября. Вместо этой памятной даты в 2005 г. был установлен День народного единства, отмечающийся 4 ноября и посвященный окончанию Смутного времени в 1612 г. Эта «замена» одного праздника на другой является ярким примером исторической политики и искусственного конструирования исторической памяти.

Однако главным объектом исторической политики в 2000-е годы стала память о Великой Отечественной войне и празднование Дня Победы. По словам Николая Копосова, «миф о войне стал настоящим мифом происхождения постсоветской России» [Копосов, 2011, с. 163], воплотившим многие элементы идеологии путинского режима: единство народа и государства, необходимость сильной власти, изображение России как жертвы политики других держав, претензии на повышение ее международного статуса. Учитывая отсутствие других значимых поводов для гордости и патриотизма в недавней истории России, победа в войне является центральной опорой коллективной памяти россиян.

Празднование Дня Победы в 2000-е годы происходило все более масштабно, при этом в стилистике проведения мероприятий угадывалась советская эстетика. Праздник становился поводом для утверждения политических амбиций современной России, придавая памяти о войне непримиримый характер и обуславливая невозможность признания альтернативных трактовок европейской истории 1930–1940-х годов. В сфере внешней политики это привело к конфликтам со странами Восточной Европы, рассматривавшими свое пребывание в социалистическом лагере как «оккупацию со стороны СССР» и опасавшимися агрессивной внешней политики России, а внутри страны блокировало развитие дискуссий об исторической политике и последствиях сталинизма.

Увязка победного военного нарратива и памяти о массовых репрессиях является самой сложной областью коллективного сознания российского общества. Разгром Германии «оправдывает» не только военные жертвы, но и сталинские методы управления обществом в целом. При таком восприятии критика Сталина оказывается посягательством на самые чувствительные составляющие национально-государственной идентичности. Власть избегает однозначных оценок сталинского периода, поскольку осуждение прошлого чревато нарушением установившегося баланса исторических восприятий и размыванием основ государственнической идеологии.

Самым резонансным эпизодом исторической политики 2000-х годов стала публикация школьных учебников и методических пособий для учителей по истории России XX в. под редакцией Александра Филиппова и Александра Данилова. В этих книгах история СССР рассматривались с точки зрения теории модернизации, и сталинские репрессии предстали необходимым средством политического управления в трудное для страны время. Многие другие изложенные в учебниках тезисы являлись ответами на исторические претензии к России со стороны восточноевропейских стран, отражали элементы изоляционизма в официальной риторике и описывали новейшую историю России в духе политтехнологической концепции «суверенной демократии» [Миллер, 2012, с. 334–337]. Распространение этих учебников вызвало в российском обществе волну дискуссий об историческом образовании и пределах «нормализации» сталинизма.

Другим заметным событием в сфере исторической политики стало учреждение в мае 2009 г. Комиссии при Президенте по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Этот шаг, направленный прежде всего вовне страны, был призван стать ответом на враждебную историческую политику некоторых соседей России. В Комиссию входило несколько десятков человек, заседания проводились 2 раза в год. Однако о продуктивности ее работы судить сложно: просуществовав несколько лет, Комиссия была упразднена в феврале 2012 г. За эти годы в российской внутренней и внешней политике произошли изменения, позволившие смягчить агрессивность исторической политики.

«Рокировка» между лидерами страны не изменила сути авторитарного политического режима, однако отразилась на стилистике проводимой политики. Дмитрий Медведев, ставший в 2008 г. Президентом России, стремился предложить обществу собственную «повестку дня», складывавшуюся из нескольких составляющих: экономической модернизации, либерального политического дискурса и снижения конфликтности на международной арене. И хотя в реальности значимых реформ не происходило, новые веяния не отторгались обществом и даже порождали определенные политические ожидания.

Дмитрий Медведев и его соратники понимали, что продвижение новой программы, призывающей к развитию инновационной экономики и демократических основ государственности, требовало корректировки исторической политики и отказа от намеков на реабилитацию сталинизма. Рассуждая об истории страны, Медведев писал в своей статье «Россия, вперед!»: «Впечатляющие показатели двух величайших в истории страны модернизаций — петровской (имперской) и советской — оплачены разорением, унижением и уничтожением миллионов наших соотечественников» [Медведев, 10.09.2009]. А несколько месяцев спустя Президент опубликовал в своем блоге обращение, в котором решительно осудил сталинские репрессии и призвал «не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ» [Медведев]. Историческая «разрядка» произошла и в отношениях России с Польшей, Украиной и другими странами.

Возвращение Владимира Путина на президентский пост сопровождалось подъемом протестной активности. Перипетии противостояния политического режима и оппозиции на время оттеснили другие вопросы на периферию публичного поля. Но некоторые события 2013 г. свидетельствуют, что историческая политика продолжает оставаться в фокусе внимания властей и с учетом новых тенденций в общественно-политической жизни ее роль как фактора внутренней политики растет. Вероятно, что различные группы, обретающие свою политическую идентичность, будут определять себя и по отношению к истории. В скором времени российская политика может стать ареной сшибки «проектов прошлого» между теми, кто вдохновляется либерально-демократическим духом перестройки, желает для решения проблем страны прибегнуть к сталинским методам или апеллирует к черносотенному национализму.

Литература

Бондаренко С. Презентация книги «Историческая политика в XXI веке» // Уроки истории. 06.09.2012. URL: <http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/51482>

Дымарский В. Вспоминая будущее // Российская газета. 11.05.2006. URL: <http://www.rg.ru/2006/05/11/pogovorim.html>

Копосов Н. Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Медведев Д. Россия, вперед! // Газета.ру. 10.09.2009. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml

Медведев Д. Память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах // Президент России. 30.10.2009. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/5862>

Миллер А. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3 (40—41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>

Рогинский А. Память о сталинизме: доклад на конференции «История сталинизма». 05.12.2008. URL: http://www.ru.boell.org/downloads/pamiat_o_stalinizme.pdf

Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Ч-54 XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Текст] : в 4 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 200 экз. — ISBN 978-5-7598-1118-3 (в обл.).
Кн. 4. — 585, [1] с. — ISBN 978-5-7598-1122-0 (кн. 4).

Сборник составлен по итогам XIV Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, организованной Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда и проходившей 2–5 апреля 2013 г. в Москве.

Рассматриваются следующие темы: развитие образования, социология, инструментальные методы в анализе социальных и экономических процессов, медиакоммуникации, аудиовизуальная индустрия. Представлены также результаты проведенных в ВШЭ политологических исследований, исследований массового сознания и исследований в сфере образования.

Для социологов, политологов, журналистов, работников сферы образования, а также студентов, аспирантов и преподавателей вузов. Книга может быть полезна всем, кто интересуется проблемами и перспективами реформирования российской экономики.

УДК 330.101.5(063)
ББК 65.012

Научное издание

**XIV Апрельская международная научная конференция
по проблемам развития экономики и общества**

В четырех книгах

Книга 4

Зав. редакцией *Е.А. Березнова*
Редактор *Т.М. Ершова*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка и графика: *О.А. Иванова*
Корректор *Е.Е. Андреева*

Подписано в печать 14.03.2014. Формат 60×88 1/16
Печать офсетная. Гарнитура NewtonС.
Усл. печ. л. 35,6. Уч.-изд. л. 34,8. Тираж 200 экз. Изд. № 1724

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52